

Шан Сижуй всё ещё продолжал громко стонать. Чэн Фэнтай не смог сдержать смеха. В кого же он сегодня попал? Почему это существо издаёт такие звуки? Сделав пару глубоких вдохов, он продолжил двигаться за спиной Шан Сижую, и тот наконец начал издавать более привычные стоны. Вскоре силы покинули его, и он перестал держаться за край стола, размахивая одной рукой в воздухе, пока не ухватился за бедро Чэн Фэнтая, оставив на нём синяк.

Чэн Фэнтай, запыхавшись, сказал:

— Расслабься.

Шан Сижуй, закусив рукав своей одежды, пробормотал сквозь стоны:

— Не могу стоять...

И медленно разжал руку.

Чэн Фэнтай шлёпнул его по заднице:

— Я про это говорю. Расслабься, ты так сжимаешь, что чуть не задушил меня...

Хотя он и говорил это, но вздохнул с наслаждением, словно испытывая что-то невероятное.

Шан Сижуй чувствовал, как будто его разрывает изнутри. Он едва сдерживал слёзы, срывающимся голосом произнес:

— Это твоё... как у осла...

Чэн Фэнтай прижал его голову к столу, продолжая двигаться и одновременно подшучивая:

— Откуда знаешь, как у осла? Тебя что, осел трахал?

Шан Сижуй уже не мог ответить, только лежал и стонал. За окном начал падать снег. Сяо Лай давно исчезла, укрывшись одеялом с головой, и провела бессонную ночь.

Чэн Фэнтай провёл всю ночь с Шан Сижуюем, играя на столе и на полу, и ему всё казалось мало. Только когда рассвело и на улице зазвучали крики продавцов замороженной хурмы, они оба упали на кровать, полностью измотанные. Они были так устали, что даже не обменялись нежными словами, лишь сплелись конечностями, дыша в унисон, создавая картину глубокого сна. Однако спать им удалось всего несколько часов. К полудню Шан Сижуй проснулся от урчания в животе. Он некоторое время задумчиво смотрел на спящее лицо Чэн Фэнтая, но в конце концов не смог терпеть голод и ударил его кулаком в плечо:

— Второй господин, второй господин, я голоден.

Чэн Фэнтай перевернулся на бок:

— Попроси Сяо Лай принести еды. Я ещё посплю.

Шан Сижуй сел, некоторое время сидел в оцепенении, затем почесал голову, оделся и спрыгнул с кровати. Он почувствовал лёгкое жжение сзади, но его движения оставались лёгкими, а сам он был полон энергии. Чэн Фэнтай, который обычно казался изнеженным молодым господином, погрязшим в разврате и лишённым физической подготовки, оказался весьма энергичным в этом деле. Однако после завершения он сразу же заснул, словно мёртвый. В отличие от Шан Сижую, который во время процесса полностью подчинялся, но после становился настоящим богатырём.

Шан Сижуй надел старую домашнюю одежду и отправился к Сяо Лай за едой. Та, проведя беспокойную ночь, тоже проснулась поздно и не была в настроении готовить. С распушенной косой она смотрела на Шан Сижую с недовольным видом, словно хотела что-то сказать, но не решалась. Шан Сижуй всегда немного побаивался её и, зная, что она не одобряет Чэн Фэнтая, чувствовал себя неловко из-за того, что вчера они провели ночь вместе. Раньше он никогда не оставался с мужчинами дома на ночь. Видя недовольное выражение на лице Сяо Лай, он уже было собрался уйти, чтобы найти еду в другом месте.

Но Сяо Лай холодным голосом остановила его, стараясь говорить мягко:

— Господин Шан, как вы себя чувствуете?

Шан Сижуй честно ответил:

— Ничего особенного, просто голоден.

Сяо Лай взяла его за руки, сжимая и поглаживая, и настойчиво спросила:

— Вчера было так шумно, он не причинил тебе вреда?

Шан Сижуй схватил её за руку и горячо ответил:

— Нет, я просто очень хочу есть.

Шан Сижуй, когда был голоден, становился словно одержимым голодным духом — медлительным и глупым, с единственной мыслью о еде. Сяо Лай поняла, что сейчас с ним бесполезно говорить, и, чтобы не разозлить его, села перед зеркалом и начала заплетать свои длинные волосы в косу.

— Сейчас уже поздно готовить, я пойду в ресторан в переулке и куплю тебе жареную утку, свинину в соусе и тушёную баранину, хорошо?

Шан Сижуй, услышав о мясе, сразу же согласился и стал торопить Сяо Лай. Поскольку дневное солнце растопило ночной снег, дорога была скользкой, и путь занял некоторое время. Когда Сяо Лай вернулась с коробкой еды, Шан Сижуй был уже на грани отчаяния от голода. Она положила немного каждого блюда себе в миску с рисом, а остальное Шан Сижуй съел за считанные минуты, набивая щёки, как кролик, жующий морковь. Такой известный артист, а втайне вёл себя так, что никто бы не поверил.

Сяо Лай, глядя на него, вдруг улыбнулась и, опустив голову, взяла ложку риса:

— Господин Шан, вы всё съели, ничего не оставили ему?

Сяо Лай редко проявляла заботу о Чэн Фэнтае, и это смутило Шан Сижую:

— Ах, забыл. Пусть поест, когда проснётся.

Сяо Лай кивнула и, избавившись от прежней грусти, улыбнулась:

— Господин Шан, пройдитеесь немного, я уберу посуду.

Она подумала, что Шан Сижуй остался прежним, и она преувеличила значение произошедшего. После вчерашнего он не стал больше заботиться о Чэн Фэнтае или жертвовать собой. Он всё так же ел и пил, не думая о других. Но если бы это было много лет назад, когда он ещё был близок с Цзян Мэнпин, он бы, даже голодный, оставил большую часть еды для своей старшей сестры. После пережитых страданий Шан Сижуй стал умнее и больше не был готов так жертвовать собой. Его особое отношение к Чэн Фэнтаю, возможно, было лишь отличием от таких, как командующий Цао или Сюэ Цяньшань.

Успокаивая себя таким образом, Сяо Лай увидела, как Чэн Фэнтай в халате и пальто вышел из спальни, потирая уши:

— Снег растаял? Сегодня действительно холодно. Что вы едите, господин Шан? Я попробую.

Он наклонился, открыв рот, ожидая, что Шан Сижуй накормит его.

Шан Сижуй положил ему в рот кусочек зимнего бамбука и с удовлетворением сказал:

— Мясо!

Чэн Фэнтай, наслаждаясь хрустящим вкусом, посмотрел на тарелки и увидел, что там не осталось ни кусочка мяса. Он рассмеялся:

— Вот это да, начали без меня. Где же мясо?

Одновременно он засунул руку под воротник Шан Сижую и ущипнул его за шею.

Шан Сижуй вздрогнул от холода:

— Я всё съел!

Чэн Фэнтай тоже был голоден. На улице стоял мороз, а Старина Гэ ещё не пришёл. Не желая ехать на рикше за едой, он сам наложил себе риса из корзины, добавил соус от тушёных блюд и стал есть с кусочками зимнего бамбука, сушёного тофу и золотых игл. Это удивило и Шан Сижую, и Сяо Лай. Шан Сижуй почувствовал тепло в груди, смешанное с лёгкой горечью, хотя он и не понимал, почему вид Чэн Фэнтая, доедающего его остатки, вызывал такие чувства. Он просто не мог оторвать глаз от него. Сяо Лай же с уважением посмотрела на молодого

господина, но также почувствовала, что он был человеком сложным и навязчивым, от которого трудно избавиться.

Чэн Фэнтай заметил их удивлённые взгляды и улыбнулся:

— Что, вам странно видеть, как я так ем?

Шан Сижуй кивнул:

— Ты голоден!

Чэн Фэнтай ответил:

— Да. Когда голоден, ешь что есть.

Шан Сижуй молча смотрел на него. Чэн Фэнтай, продолжая есть, сказал:

— Ты всё ещё считаешь меня таким же господином, как Шэн Цзыюнь? Когда я был в его возрасте — даже на два года моложе — я ездил с рабочими за товарами за границу. Что мы ели? Овощи, грибы, варёные с солью, и твёрдые, как камень, лепёшки из кукурузной муки. Иногда, если попадались деревни, мы могли поесть мяса. Но ты знаешь, крестьяне обычно не убивают ослов или коров, даже за деньги — они нужны для работы. Мы ели старых волов и ослов, мясо было жёсткое... Мы провели в пути несколько месяцев, и всё это время ели так. Если попадали в плохую погоду и застревали в лесу, что мы ели? Ничего! Половину булки в день, размоченную в холодной воде с солью. И ещё нужно было остерегаться ядовитых змей, диких зверей и разбойников.

Шан Сижуй слушал, засунув руки в рукава. Чэн Фэнтай, закончив есть, ущипнул его за щёку и похлопал:

— Господин Шан, ты на самом деле никогда по-настоящему не голодал, просто привередлив в еде.

Шан Сижуй не согласился:

— Голодал! В детстве, во время засухи в Пинъяне, я несколько дней не ел!

Чэн Фэнтай только рассмеялся:

— Ты был ранен, это не то же самое, что по-настоящему испытать голод.

<http://bllate.org/book/15435/1368631>